

Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы

Леви Дмитрий Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры Европейских исследований
Кандидат политических наук
d.levi@spbu.ru

РЕФЕРАТ

В статье автор рассматривает историю появления и современное развитие криптовалют в мире и в странах Европы, а также оценивает их правовое регулирование. В центре внимания оказывается технология blockchain и криптовалюта bitcoin, популярность которых позволяет говорить сегодня о децентрализации управления финансами и другими активами. Автор полемизирует насчет возможностей изменения правового регулирования криптовалют, а также сравнивает отдельные европейские достижения в этой области с российским опытом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

криптовалюта, биткойн, Европа, Европейский Союз, блокчейн, хеш-блок, правовое регулирование, нетократия

Levi D. A.

Prospects of Recognition and Development of Cryptocurrencies in the European Union and the Countries of Europe

Levi Dmitri Andreevich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate professor of the Chair of European Studies
PhD in Political Science
d.levi@spbu.ru

ABSTRACT

Contemporary history and nowadays reality of cryptocurrencies such bitcoins is discussed in this article. Author reviews history and modern regulation of cryptocurrencies in the major economies in Europe and beyond. The role of bitcoin and block chain technology is being questioned in the article as author claims this technologies to be something more than a simple IT innovation, but a social hook for further development and political engineering. Author examines current legal regulation and its possible advancement and tries to compare certain results in this field with Russian expertise.

KEYWORDS

cryptocurrency, bitcoin, Europe, European union, legal regulation, block chain, hash-block, netocracy

В 2009 г. о практической реализации технологии хеш-блоков blockchain заговорили в мире информационных технологий как о революционном прорыве. К 2010 г. интерес к неожиданно разросшейся сети пользователей стали активно проявлять финансисты. К 2012 г. экономический потенциал технологии обеспокоил банковские системы некоторых стран. К 2014 г. голоса протекционистов традиционной экономической модели в отдельных странах оказались сильнее тех немногих, кто осознавал причины и характер появления новой альтернативной финансовой системы. И по состоянию на 2016 г. первая популярная криптовалюта — биткойны — оказалась очернена применительной практикой. В случае с Россией первым крикнувшим «волки!» оказался

Центральный банк¹, а затем хор различных чиновников от прокуратуры, правительства и даже Следственного комитета РФ, напуганных свойством анонимности, поспешил повесить на все виртуальные валюты и распределенные технологии запретительный знак, запугав заинтересовавшихся в развитии новой экспериментальной инновационной экономики физических и юридических лиц «пособничеством и финансированием терроризма». Подготовленный в 2016 г. на волне запретительного энтузиазма Министерством финансов РФ проект запретительного закона включил в список запрещенных суррогатных валют заодно и всевозможные купоны, бонусные баллы и очки, сердечки и прочие скидочные маркетинговые расчетные единицы. «Окрик» Министерства экономического развития, конечно, одернул законодательный креатив, но и сегодня судьба регулирования криптовалют и вообще технологии распределенного доступа в России под большим вопросом.

Между тем подавляющее большинство государств мира отнеслось к нарастающей популярности и цепочке скандалов с биткойнами с существенно меньшей вовлеченностью. В ряде случаев прозвучали осуждения использования биткойнов для совершения незаконных сделок, прогремели скандалы, связанные с проектом SilkRoad², спекуляциями с рыночным уровнем цены на биткойны, но в большинстве государств экономическим участникам было предложено отнестись к эксперименту с осторожностью и не более. В инновационных гаванях Дании и Швеции уже в 2010 году даже принялись рассуждать о возможности отнесения криптовалют к ценным бумагам или товарам с целью оценки возможного использования в качестве объекта налогообложения. Но эффект от работающего эксперимента децентрализованной финансовой системы, инструмента, способного противопоставить себя традиционным банковским институтам и финансовым инструментам для целей финансирования новейшей «shared-economy» и реализации «internet-of-things» (IoT), оказался гораздо больше одноразового экономического эффекта вовлечения в игру с «денежными суррогатами». Эксперимент дал миру три вывода, которые, безусловно, окажут влияние на будущее развитие мировой экономики и заставят переосмыслить категории национального государства, каким мы его знаем сегодня. Страны Европейского Союза оказались одними из первых, кто приступил к адаптации экспериментальной технологии на правовом и практическом уровнях.

Во-первых, эксперимент показал, что распределенная неуправляемая валюта принципиально возможна и при этом обладает большой степенью «справедливости» и защищенности от злоупотреблений со стороны всевозможных регуляторов и центров эмиссии. Во-вторых, стало очевидно, что финансовые операции, совершаемые между незнакомыми экономическими субъектами, принципиально возможны без участия цепочки посредников — банковских агентов. Причем с минимальными затратами по времени, практически мгновенно и практически бесплатно. Если рассуждать с точки зрения технологии, то от центров эмиссии и банков-операторов вообще можно отказаться, что способно удешевить практически любые операции и обходить любые национальные ограничительные инициативы: регулятивные законы, санкции и т. п. В-третьих, идея децентрализованной криптовалюты, как таковая, уравнивает во многих отношениях граждан разных стран, независимо от состояния их собственных экономик, дает возможности для прямого трансграничного инвестирования «peer-2-peer» (p2p) любых средств без комиссионных потерь на оператора и без страховых регулятивных сборов, что заставляет государственные экономические системы кон-

¹ Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн. Центральный банк Российской Федерации. Пресс-релиз. 27.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 20.04.2016).

² Madrigal A. «Libertarian dream? A site where you buy drugs with digital dollars» // Atlantic, 1 June 2011. P. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://theatltn.tc/1pw0lK> (дата обращения: 21.04.2016).

куруировать перед каждым человеком и его экономическим потенциалом. Государство, таким образом, еще более становится подчиненным обществу. А если принять во внимание тот факт, что на основе алгоритмов blockchain возможно конструирование не только финансовой, но и общественной или политической системы, такой как, например, Liquid Democracy, квинтэссенция централизации — государство — вынуждено спорить с идеей децентрализованного, но, возможно, не менее эффективного и уж точно более справедливого управления.

Перспективы первого практического воплощения blockchain-валюты, похоже, достаточно размыты, ряд форков биткойна, таких как Libertycoin, уже ушли в прошлое. Однако, отчего-то крупные мировые банки, даже несмотря на национальные ограничения, тратят время и ресурсы на финансирование прикладного использования blockchain-алгоритмов и создают консорциумы (например, R3CEV). Стартаперы и венчурные фонды выискивают возможности использовать популярную логику хеш-блоков в прикладных приложениях и мессенджерах, юристы под давлением финансовых кругов пытаются найти ответ, как определить и урегулировать первый финансовый инструмент нарождающейся нетократии: общемировой среды, где идея сама по себе стоит дороже, чем финансы, необходимые для ее воплощения. Не от того ли, что заявленная технология продемонстрировала жизнеспособность и готовность общества принять и использовать ее? Упустить момент старта технологической новинки в современном мире означает добровольно направить свою страну на обочину развития.

Теоретическое обоснование возможности существования электронных и виртуальных трансграничных денег и валют, не завязанных на традиционные фиальные деньги и валюты, появилось еще в 1980-е годы. Это было сродни фантастическому поиску теоретической идеи, примерно такой же, какой сегодня нам кажется идея пришествия нетократических ценностей в наш консервативный мир. Но уже в 1993 г. центральными банками Европейского Союза проводится специальное исследование по выявлению возможностей использования электронных, в дословном переводе «сетевых», денег. Интерес центральных банков был в первую очередь продиктован возможностью использовать данные особые деньги для совершения предоплаченных платежей. В 1994 г. европейские центральные банки приходят к выводу о том, что явление «электронных денег» существует, имеет специфическую природу, обладает убедительной дешевизной использования и технологически безопасно. Следом за ЕС, в 1996 г. совещание представителей центральных банков G10 указывает на необходимость создания системы учета и мониторинга системы электронных денег в мире. Отчеты, формируемые данной системой, стали достоянием общественности только в 2000 г. И уже в 2004 г. центральные банки G10 фиксируют наличие до 37 различных электронных юнитов, выполняющих функции денег. И хотя универсального определения электронных денег нет и сегодня, страны большей десятки в целом договорились понимать под электронными деньгами специфические денежные обязательства эмитента, сохраняемые в электронном виде. Эти электронные долговые расписки трудно назвать самостоятельными деньгами, поскольку они являются не более чем воплощением какой-то конкретной национальной валюты, или в случае с электронной псевдо-валютой WMZ — воплощением золота. Тем не менее все электронные деньги этого периода принципиально представляют отдельные национальные валюты 1 к 1, не являются самостоятельными деньгами по существу и имеют единый центр эмиссии, что не ставит их в противоречие с законодательством в ведущих мировых экономиках — ни в США, ни в Китае, ни в Европейском Союзе.

Алгоритм децентрализованной криптовалюты был впервые опубликован в 2008 г. формально анонимным автором Сатоши Никамото и был с интересом встречен в кругах специалистов по криптоанализу. Интерес к проекту подогрели анонимная

регистрация домена bitcoin.org и выпуск в январе 2009 г. первой версии программного клиента биткойна. Внимание к данному проекту со стороны агентов правового регулирования резко возросло на фоне использования валюты в качестве средства анонимного платежа за не совсем законные услуги и товары. Основной ажиотаж по данному вопросу связан в первую очередь с США, как мировым экономическим и технологическим центром. Сюжетная завязка конфликта регулирования криптовалюты основывается на существующем в США, как и во многих других юрисдикциях, номинальном запрете на выпуск любых альтернативных валют, конкурирующих с национальной¹. ФБР рассматривает федеральным преступлением «для физических... или юридических лиц осуществлять выпуск частных монет или валютных систем в качестве конкурента с официальными валютами и монетами США»². Однако с регулятивной точки зрения криптовалюта, построенная по технологии blockchain, не вступает в прямую конкуренцию с долларом США, более того, распространяется в электронной среде, в которой доллар США непосредственно даже не существует. Более того, универсальная правовая англо-саксонская трактовка права предполагает, что как таковая валюта может существовать в виде двух сущностей — в виде legal tender (законного бонда, обязательства) и legal currency (законного средства платежа). «Криптовалюта в свою очередь скорее является «виртуальной валютой», — средством обмена, используемом как валюта в некоторых средах, при этом не обладая полными атрибутами валюты, такими как статус законного средства платежа или юрисдикции»³.

Вместе с тем вопрос квалификации правовой природы сущности виртуальной валюты в США остается до конца не решенным. В настоящий момент, несмотря на популярность и даже наличие символики и рыночных аббревиатур (перечеркнутый символ B, совпадающий с азиатским Батом, BTC и X-BTC), биткойн полноценно не используется в качестве валюты за исключением отдельных эпизодов торговли нелегальными товарами в «теневом интернете» [3, р. 73], скорее он представляет собой спекулятивный инструмент, похожий на ценные бумаги или товары. Существует мнение, что биткойны можно трактовать как ценную бумагу в юрисдикции США, поскольку действующее определение ценных бумаг, согласно Securities Act 1933 г. и Securities Exchange Act 1934 г., дают широкое толкование. Такое толкование ранее позволило Верховному суду США рассматривать цитрусовые деревья и червей в отдельных случаях в качестве особых инвестиционных контрактов [4, р. 99], биткойны же куда менее экзотичны в этом плане. Альтернативное определение криптовалюты позволяет также отнести биткойны к товарам, согласно длинному списку товаров, предложенному Commodity Exchange Act 1936 г., где в конце значится фраза «и другие товары и продукты».

В отличие от России и США, где отношение к альтернативным валютам однозначно негативное, в Европейском Союзе и Европе в целом отношение к криптовалютам менее радикальное. Подтверждением этому служит фактическое принятие Бристольского, Брикстонского и Льюишевского фунта (Bristol, Brixton, Lewes pounds), являющихся, по сути, очень локальными и очень ограниченными по масштабу действия финансовыми ваучерами, применяемыми и используемыми ограниченным

¹ United States Code, 2006 Ed. Sup. 4. T. 31. Money and finance legal tender. § 5103 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/granule/USCODE-2010-title31/USCODE-2010-title31-subtitleIV-chap51-subchap1-sec5103>. (дата обращения: 21.04.2016).

² Defendant Convicted of Minting His Own Currency // US Attorney's Office 18.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fbi.gov/charlotte/press-releases/2011/defendant-convicted-of-minting-his-own-currency> (дата обращения: 21.04.2016).

³ Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies. FinCen Guidance FIN-2013-G001. March 18, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fincen.gov/statutes_regs/guidance/html/FIN-2013-G001.html (дата обращения: 21.04.2016).

количеством экономических субъектов. И хотя во многих отношениях система биткойнов сложнее и крупнее, признаков категорического непризнания и неприятия криптовалюты и ее модификаций не заметно [2, р. 267–268].

Отчасти вопрос принятия криптовалют в Европейском Союзе стоит менее остро за счет уже существующего регулирования подобного рода деятельности. Директива ЕС по регулированию электронных денег (The Electronic Money Institutions Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009) в известной степени уже установила границы для правового принятия особых альтернативных способов платежей, включая различные электронные и мобильные. Согласно директиве электронные деньги определяются: как средства, хранимые электронно-магнитным способом; как средства, представленные как требования на эмитента, выдаваемые при получении денежных средств для целей совершения платежа; если сделка признается обеими сторонами и представляет собой размещение, передачу или снятие средств, независимо от обязательств, лежащих в основе договоренностей и отношений плательщика и продавца; если средства признаются кем-либо, кроме эмитента средств.

В этой связи криптовалюты, и в частности биткойны, очень близки к тому, чтобы рассматриваться в качестве официального разрешенного платежного средства, основным препятствием является лишь отсутствие какого-либо конкретного эмитента биткойнов. Поэтому официальная оценка European Banking Authority по настоящему времени такова, что признавать криптовалюты законным платежным средством нельзя¹. Нельзя ожидать безусловного принятия единиц криптовалюты в любых объемах, нельзя рассчитывать на то, что биткойны являются средством расчета с кредиторами или должны приниматься по номиналу и т. п. Однако косвенно данное решение направило европейское право на признание биткойнов и криптовалют в качестве товаров, что существенно изменило правовую неопределенность.

Таким образом, мы видим, что двойственность, а иногда и тройственность оценки роли и возможностей криптовалют, а также их правового определения, сохраняется, существуют значительные риски использования данных валют в серьезном денежном обращении. Правовое понимание роли и природы криптовалюты означает оценку правовых рисков при совершении операций депонирования, покупки, ведения счетов, управления финансовыми операциями и т. п. Обычно эти вопросы регулируются национальными центральными банками и национальным правом. В отсутствие юрисдикции, а также в отсутствие эмитента криптовалют гарантии по выполнению обязательств и сохранению ценностного наполнения единиц криптовалюты прямо пропорциональны категории «доверия» в сообществе, поддерживающего работу криптовалюты. Это означает, что ценность каждой единицы криптовалюты, существующей в обороте, напрямую связана со степенью популярности валюты и готовностью пользователей осуществлять прием и обмен ценностей — товаров и услуг в обмен на единицы данной продукции. В связи с такой нестандартной основой существования криптовалют у национальных и наднациональных регуляторов было и есть несколько стратегий реагирования.

Стратегия запретов. Непонимание логики и потребностей internet-of-things, startup- и shared-economy может приводить к тому, что государства будут запрещать хождение и использование криптовалюты. Поводами могут служить любые необычные черты криптовалюты. Как-то анонимность или необратимость проведения платежей или возможностей для хищения. Данные поводы достаточно надуманы, но могут быть причиной обвинений пользователей в участии в отмывании средств, незаконном обращении валюты или соучастии в организации

¹ EBA Opinion on 'virtual currencies'. European Banking Authority (EBA), EBA/Op/2014/08 4 July 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.ly/1HOuUT5> (дата обращения: 21.04.2016).

каких-либо преступлений. Главная претензия связана с анонимностью криптовалют на основе blockchain и, строго говоря, надумана. В действительности же каждая последующая операция, совершенная с любой бесконечно малой частью, например, биткойна, записывается в историю этой самой малой части. В реальном мире это выглядело бы так, словно на каждой банкноте каждый пользователь оставлял бы свой отпечаток. Таким образом, можно проследить историю передачи каждого цента или сатоши от одного кошелька другому. Другое дело, что кошельки напрямую никак не идентифицированы, а значит, неизвестно, кому они принадлежат. Вместе с тем техническая анонимность вполне разрушается участием человеческого фактора: деньги на счет как-то попадают, как-то вводятся в систему, этот след остается и ведет к каким-то операторам. Продолжительное использование одного кошелька приводит к формированию нестираемой истории транзакций, которая многое рассказывает о владельце кошелька. В профессиональном сообществе бытует шутка о том, что единожды оплатив совершение какого-либо преступления, собственник кошелька может быть вычислен через 10 лет, ошибочно расплатившись с этого же кошелька за доставку пиццы. Реальную анонимность обеспечивает одноразовое использование счета при условии оплаты пополнения в темной подворотне глубокой ночью от случайного человека. Но не обеспечивают ли аналогичный или даже более высокий уровень анонимности обычные наличные деньги? Виновата ли при этом технология и подлежит ли она запрету или, возможно, запрету подлежат не ножи, а те, кто их использует для преступлений? История запрещенных цифровых валют E-gold и Liberty currency хорошо иллюстрирует эту точку зрения.

Стратегия частичных запретов. Стратегия связана с пониманием логических плюсов технологии и непониманием ее философии и практической реализации. Частичные запреты направлены на противодействие действиям конкретных агентов, в отношении которых по формальным признакам можно установить, что их деятельность связана с криминалом. Применительно к кибервалютам речь идет о сервисах Silk Road — магазине по торговле наркотиками и средством организации других незаконных действий, биржам — «моющим машинам», способным принять любую сумму денег, провести сотни мелких операций переводов и в итоге вывести средства за вычетом комиссии и расходов на «чистые» счета. Проблема подобного рода запретов связана с несовершенством государственного регулирования. Запретить или закрыть можно только публичные «двери», порталы и сайты, расположенные в открытой сети, «теневой интернет» достаточно закрыт и не поддается простой блокировке. Взять хотя бы сеть TOR, анонимизирующую вход пользователей в систему. Несмотря на усилия государственных регуляторов в отдельных государствах заблокировать и запретить доступ к данным сетям, распространено мнение, что скандальные разоблачения, например, владельца Silk Road, связаны не столько с вскрытием шифрованных сетей, сколько с беззаботностью пользователей (по материалам публичного слушания). Осознавая нерезультативность усилий, государственные регуляторы предпочитают осуществить аппаратные запреты (например, запрет использования Tor Exit Nod в Германии) или продажу и оказание услуг с оплатой через кибервалюты для юридических лиц. Эти частичные запреты являются полумерой, однако обладают достаточной эффективностью для противодействия явным криминальным проявлениям.

Стратегия правового регулирования. Стратегия связана с формированием в национальном праве норм и механизмов учета и оценки использования криптовалют. Как правило, данные нормы действуют в момент вывода средств из системы и предполагают льготные (например, в целях популяризации электронных платежей) или запретительные (особенно высокие, например, в целях дискредитации популярности криптовалютных платежей) сборы и налоги. Для использования

такого рода регулирования в национальном государстве принимается решение о правовой квалификации криптовалют. Устанавливается принадлежность валюты к валютам, к акциям, ценным бумагам или, что встречается чаще всего, к товарам. При этом законодательно регулируется налогообложение собственников данных товаров и валют. Характерно, что при развитии интернет-бизнеса подавляющее количество операторов стремится не ссориться с национальными властями и соблюдать регулирующее законодательство. Если это удастся, государства могут претендовать на дополнительные налоговые поступления без осуществления фактического инвестирования.

Стратегия игнорирования. Данной стратегии в основном придерживается большее количество национальных государств. Причина того — неопределенность природы, отсутствие фактической необходимости регулирования в силу невысокой популярности. Вместе с тем, популяризация идеологии распределенных сетей, философии р2р и логики blockchain в условиях кризиса доверия государству и вообще централизованным регуляторам заставляет государства задаваться вопросом использования криптографических валют.

В Европейских столицах осознают сложившийся выбор стратегий и активно обсуждают, какой из алгоритмов может оказаться наиболее востребованным. Иногда масло в огонь дебатов подливают новости об успехах криптовалют (например, в Латвии дебаты по поводу биткойнов перешли на принципиально новый уровень и оказались включенными в политическую повестку, когда стало известно, что национальная авиакомпания активно принимает платежи за билеты в криптовалюте), иногда поводом становятся скандалы (свежие новости по поводу Панамского досье оказались связаны с выплатой зарплат в биткойнах). Ситуация, таким образом, в разных странах остается противоречивой и динамично изменяющейся, однако, можно провести некоторые параллели и выделить группы стран, формирующих тенденцию к адаптации криптовалют.

Ближайшее время, скорее всего, будет достаточно жарким для криптовалют в Европейском Союзе. В апреле 2016 г. стало известно, что Комитет по экономическим и финансовым вопросам Европейского парламента призвал всех участников к оперативному обсуждению вопросов будущего криптовалют. Парой месяцев ранее Совет Европейского Союза обозначил виртуальные валюты в качестве одной из наиболее актуальных тем для дискуссий. Еще раньше Европейская комиссия высказалась насчет включения механизма централизованного регулирования криптовалют в повестку дня, разработка соответствующей директивы была запланирована на июнь 2016 г. Бурно развивающаяся отрасль отреагировала на эти инициативы учреждением нового лоббистского агента — European Digital Currency & Blockchain Technology Forum (EDCAB). Основные дебаты активизировались в июле 2016 г., когда Комиссия выпускает Зеленую книгу, а отрасль, национальные министерства, парламентарии и политики Европы попытаются отреагировать на глобальную инициативу, призванную, с одной стороны, защитить европейцев от злоупотреблений, с другой стороны — сформировать необходимую среду для защиты технологии от криминального использования: в первую очередь, как говорит Комиссия, финансирования терроризма.

Между тем уже сейчас европейские страны соревнуются на опережение, поскольку очевидно, что та страна, где условия для существования криптовалют окажутся более приемлемыми, может получить бесплатный толчок для развития. Так, в апреле 2016 г. Люксембург санкционировал выдачу лицензии одной из первых публичных бирж криптовалют — словенской BitStamp — для работы на территории всего Европейского Союза. Что же касается других стран, модель разделения стран на группы здесь выглядит традиционно: есть соревнующиеся лидеры и значительная группа отстающих. Рассмотрим некоторые из наиболее популярных географических локаций пользователей биткойнов в Европе.

Вопрос использования криптовалют в **Бельгии** на сегодняшний момент не решен однозначно. В 2013 г. Национальный банк Бельгии (NBB) при участии Бельгийской финансовой службы и службы управления рынками (Belgian Financial Services and Markets Authority (FSMA)) распространил заявление об угрозах, связанных с инвестированием в криптовалюты¹. Министр финансов Коен Гиинс, однако, признал, что «доказательств реального, а не мнимого отмывания денег не достаточно, чтобы размышлять об отрицании возможности использования биткойнов, как технологии».

В столице **Болгарии** — Софии — к криптовалютам относятся с большой степенью недоверия, тем не менее, с апреля 2014 г. доходы граждан от продаж криптовалюты облагаются стандартным налогом в 10%.

Позиция **Кипра** по вопросу криптовалют на сегодняшний момент не урегулирована. В 2013 г. интерес к этому вопросу так и не смог подняться до законодательного уровня. Тем не менее, официальная Никосия уведомила своих граждан в том, что криптовалюты не являются платежным средством и что ни одно правительство мира не регулирует их хождение².

Правительство **Дании** предпочло сформировать «налоговый рай» для криптовалют, официальная позиция властей такова, что криптовалюты не являются валютами или товаром, поэтому не подлежат налогообложению³. Однако позднее датское Funanstulsynet (Агентство по управлению финансами) уточнило, что рассматривает операции с криптовалютами, как оказание услуг. А данные виды деятельности подлежат налогообложению по стандартной схеме.

В **Финляндии** налоговые органы обеспокоились насчет криптовалют еще в 2013 г. Тогда же была издана инструкция для граждан и юридических лиц о способах налогообложения. Согласно тексту налоговым агентам предлагается рассматривать криптовалюты как «не настоящие, не официальные», но являющиеся одновременно платежным средством. При совершении экономических сделок получение криптовалюты и ее последующее налогообложение следует оценивать исходя из способа приобретения. Так, если средства получались в результате инвестирования или биржевых операций, то получаемые средства предлагалось рассматривать в качестве изменения капитала. При этом стоимость криптовалюты определялась по цене в момент приобретения. В случае если доходы извлекались из «майнинга», то такие доходы рассматриваются как обычные доходы. В ноябре 2014 г. биткойны были признаны Финляндией финансовым средством, освобожденным от налога на добавленную стоимость, что поставило точку в дебатах о природе криптовалют в этой стране и создало уникальные условия для развития. В целом рынок Финляндии с точки зрения развития биткойнов и других криптовалют следует назвать одним из самых успешных. Финские компании одними из первых завоевали признание, среди операторов рынка следует отметить LocalBitcoins, Bittiraha, Coimotion.

Законодательство **Франции** не регулирует криптовалюты. В свое время Центральный банк Франции распространил заявление с предупреждением инвесторам о сложной природе криптовалют и их спекулятивной природе. Тем не менее только в 2014 г. здесь было озвучено предложение регулировать операторов, связан-

¹ Question écrite no. 5-8723 de Martine Taelman du 16 avril 2013 au ministre des Finances [Written Question N 5-8723 of April 16, 2013, from Martine Taelman to the Minister of Finance], SÉNAT DE BELGIQUE (July 31, 2013) [Электронный ресурс]. URL: http://www.senate.be/www/?Mlval=/index_senate&MENUID=23100&LANG=fr (дата обращения: 21.04.2016).

² Cyprus Central Bank Warns About Risks in Use of Bitcoin // Famagusta gazette. Dec. 10, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://famagusta-gazette.com/cyprus-central-bank-warns-about-risks-in-use-of-bitcoin-p21692-69.htm> (дата обращения: 21.04.2016).

³ Advarsel mod virtuelle valutaer (bitcoin m.fl.) [Warnings Against Digital Currencies (Bitcoins etc.)] / Finanstilsynet (Dec. 17, 2013).

ных с жизнедеятельностью криптовалют посредством привлечения особого агентства *Autorité de contrôle prudentiel et de resolution*.

Согласно законодательству **Германии**, способ издания криптовалют, распространения и передачи не требует особого лицензирования со стороны немецких властей и регулируется традиционным правом. Однако создание особых рынков, бирж и прочих финансовых инструментов требует специального разрешения. Принципы данного регулирования изложены в разделе 1 (11) *Kreditwesengesetz* [Banking Act], *BUNDESGESETZBLATT I* at 2776. Касательно вопросов налогообложения Федеральное Министерство финансов Германии приступило к обсуждению возможности применения НДС к операциям, связанным с переводом криптовалют. Вопрос в настоящий момент не решен.

В **Италии**, как и в Германии, вопрос с криптовалютами не урегулирован. Рим подготовил в апреле 2014 г. законопроект, согласно которому все цифровые валюты могут иметь хождение на территории страны. Однако использование данных валют может быть разрешено только тем юридическим лицам, которые имеют статус финансовых организаций. Вопрос частного использования криптовалют и цифровых валют физическими лицами законодателями обойден.

В **Нидерландах** вопрос о криптовалютах не вынесен в отдельную повестку дня. Официально налоговые плательщики должны оплачивать подоходный налог с полученных криптовалют в тех же объемах, как если бы они получали доход в любой другой валюте.

Польша допускает свободный обмен и продажу криптовалют как ценных бумаг и обязательств. Однако предлагает взимать 23% налог.

В **Словении** отношение к криптовалютам строится на основе местного законодательства по идентификации плательщика и получателя платежа, а также Закона о борьбе с отмыванием денег. Ведение бизнеса с использованием криптовалют требует номинальной идентификации плательщика. Налогообложение предполагает платеж от «майнинга», сами операции от налогов освобождены.

Швеция, как и Финляндия, на сегодня представляет для криптовалют идеальное место. Биткойны здесь рассматриваются как сервис по трансферу средств, обслуживание биткойнов требует регистрации. Однако все прочие операции от налогов освобождены и не урегулированы.

Великобритания и **Эстония**, пожалуй, более всего стремятся привлечь внимание специалистов по криптовалютам. В Великобритании при использовании криптовалют налогообложение отсутствует. Эстония также не регулирует хождение криптовалют. В обеих странах, тем не менее, крепнет намерение все-таки урегулировать хождение биткойнов, однако, вопрос остается пока открытым. Страны также рассматривают выделение особых зон с особым статусом для криптовалют.

Правовое регулирование меняется не слишком быстро, но, как было отмечено выше, 2016 г. наверняка принесет много законодательных изменений в силу нового этапа дискуссии в ЕС. Между тем европейские страны соревнуются на опережение, поскольку очевидно, что та страна, где условия для существования криптовалют окажутся более приемлемыми, может получить дополнительный ресурс для развития. Если говорить о лидерстве отдельных стран, если судить по формальным показателям проникновения криптовалют в общество, то в лидеры неожиданно выбивается Италия. По состоянию на 2014–2015 гг. (по данным независимого агентства *CoinTelegraph*) в Италии было зарегистрировано 269 операторов биткойнов и 4 биткойн-банкомата (т. е. отношение 1 оператор на 225 800 жителей). На втором месте в Европе Великобритания — здесь используют 11 банкоматов и 362 оператора (отношение 1/177 000 жителей). На третьем месте Финляндия: 7 автоматов, 34 оператора, 1 оператор на 160 000 жителей. Далее Нидерланды: 53 банкомата, 968 операторов, 1 оператор на 36 500 жителей, Словения: 4 банкомата, 58 операторов, 1 оператор на 35 500 жителей.

В России состояние признания отрасли продемонстрировали сравнительно недавно. Официальные власти настаивают, что биткойн — это «плохо», а технология распределенного управления удостоверения прав на что-либо, на основе которой существует blockchain — это «хорошо». Вывод, конечно, неоднозначный. За использование биткойнов надо наказывать исправительными работами до 2 лет и штрафом до 500 тыс. руб., убежден российский Минфин. Глава Следственного комитета А. Бастрыкин еще более категоричен, утверждая, что преследование должно распространяться на всех, кто эмитирует «не предусмотренные законом средства платежа»¹. К слову, под это определение попадают и бонусные баллы, и накопительные дисконты, и даже (в некоторых случаях) «лайки» в социальных сетях.

Вместе с тем ряд политиков и экономистов выступают за защиту криптовалюты. В наличии биткойнов признался А. Греф, обсуждалась возможность проведения круглых столов о биткойнах в Государственной Думе. 26 апреля 2016 г. прошел практически секретный форум разработчиков, связанных с технологиями криптовалют и blockchain «Блокчейн и открытые платформы-2016»². О криптовалюте напрямую с трибуны не говорили, но говорили обо всем, что с этой технологией связано. Выяснилось, что в поисковиках о blockchain и биткойне в мире больше всего ищут информацию в Эстонии (на 1-м месте) и в России (на 2-м месте) в пересчете на процент от всех остальных запросов. Это говорит о востребованности технологии, интересе и зрелости общества. Это и отразил форум, когда к удивлению участников выяснилось, что российские разработчики работают над blockchain-алгоритмами и для Сбербанка (на базе конкурирующего с Bitcoin валюты Ethereum), и для Qiwi, Яндекс-денег. Официально заявляется, что работы ведутся по проектированию системы генерации доверенностей, но неофициально в кулуарах говорится о серьезном лоббистском нажиме на Администрацию Президента с целью пересмотра отношения государства и к технологии, и к криптовалютам, как к концепции. Это неслучайно, ресурс криптовалют тесно связан с ИТ-возможностями государства. Для России это сильная ставка, а в условиях экономической изоляции использование неподконтрольных санкциям финансовых инструментов может быть интересной находкой.

Среди прочего интересным и востребованным показалось использование возможностей электронного голосования, в т. ч. на основе неподделяемой технологии e-proxy voting. Такого рода технология могла бы стать успешным продолжением систем криптозащищенного голосования, испытанных в свое время в США и отвергнутых из-за кризиса доверия [1, с. 61].

Подводя итог, следует отметить, что развитие технологий уже не раз приводило к изменению и политического, и экономического облика мира. Есть основания полагать, что разработка технологии, позволяющей отказаться от централизованного гаранта достоверности и депозитария информации, рано или поздно поставит вопрос о лидирующей роли государства в управлении политикой, экономикой и, возможно, другими аспектами жизни. Конечно, сегодня для России об этом говорить сложно. Но ближайшие для России соседи стремительно осваивают технологию, которая, возможно, даст им фору в развитии в мире больших и грозных государств, которым не нужно доказывать что-то окружающему миру. Возможно, эта технология даст еще один повод институту государства больше думать о населении, а населению больше осознавать свою ценность и значимость созидательных неократических ценностей. В этой связи, рост популярности криптовалют, как идеи

¹ Следственный комитет пригрозил уголовным преследованием за выпуск биткойнов [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/14/bitcoinjail/> (дата обращения: 21.04.2016).

² На форуме в Москве рассказали о примерах практического применения технологии блокчейн [Электронный ресурс]. URL: <http://forklog.com/na-forume-blokchejn-i-otkrytye-platforny-rasskazali-o-prakticheskom-primenenii-blokchejna/> (дата обращения: 21.04.2016).

децентрализованных сверхгосударственных финансовых инструментов, может оказать толчок к развитию и переосмыслению многих в т. ч. экономических процессов. На пороге развития «интернета вещей», «умных» контрактов и shared-economy сверхбыстрым и сверхдешевым инструментам этих процессов не может быть отказано в существовании.

Литература

1. *Леви Д.* О призраке «революции нетократов»: эволюция отношений информационных технологий, медиа-пространства и государства // Научная перспектива. 2014. № 4. С. 57–62.
2. *Ali R., Barrdear J., Clews R., Southgate J.* Innovations in payment technologies and the emergence of digital currencies // Bank of England Quarterly Bulletin, 2014. P. 262–275.
3. *Bartlett J.* The dark net: Inside the digital underworld. London : William Heinemann. 2014.
4. *Yang R.* When is Bitcoin a security under US securities law? // Journal of Technology Law & Policy. V. 18. N 2, 2013.

References

1. *Levi D.* *About the ghost of "revolution of netocrats": evolution of the relations of information technologies, media spaces and states* [O prizrake «revolyutsii netokratov»: evolyutsiya otnoshenii informatsionnykh tekhnologii, media-prostranstva i gosudarstva] // Scientific prospect [Nauchnaya perspectiva]. 2014. N 4. P. 57–62. (rus)
2. *Ali R., Barrdear J., Clews R., Southgate J.* *Innovations in payment technologies and the emergence of digital currencies* // Bank of England Quarterly Bulletin, 2014. P. 262–275.
3. *Bartlett J.* *The dark net: Inside the digital underworld.* London : William Heinemann. 2014.
4. *Yang R.* *When is Bitcoin a security under US securities law?* // Journal of Technology Law & Policy. V. 18. N 2, 2013.